

яскравішою і розвинутішою за будь-яку теорію, схема якої є продукт абстрагування від дійсності. Коректніше було б говорити про співвідношення семи форм суспільної свідомості як про сім нот, з яких складаються симфонії людського духу, або про сім кольорів, в яких висвітлюється, виграє яскрава веселка духовної культури суспільства.

ЛІТЕРАТУРА

1. Мангейм К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени. - М.: Юрист. 1994.
2. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
3. Політологія посткомунізму. Політичний аналіз посткомуністичних суспільств.- К.: Політична думка.- 1995.
4. Платон. Государство // Собрание сочинений в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т.2.
5. Грамши А. Тюремные тетради. - М: Политиздат, 1991.
6. Грамши А. Искусство и политика. Т.1. - М: Политиздат, 1991.
7. Мшвениерадзе В.В. Современное буржуазное политическое сознание: Философский аспект. - М.: Наука, 1981.
8. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. - М., 1998.
9. Демидов А.И. Политическая деятельность. Философский анализ факторов детерминаций. - Саратов, 1987.

ЛЕПСКИЙ М.А.

ОЦЕНОЧНАЯ КОМПОНЕНТА ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА

Исследование сферы отражения и семантического развития понятий «оптимизм» и «пессимизм» позволило сформулировать следующие их определения. Оптимизм – это социально-философское понятие, отражающее оценочно-волевою сторону мировоззрения, которая позитивно определяет окружающий мир, состояние и место человека в нем, и основывается на утверждении меры жизни как наилучшего. Пессимизм – это социально-философское понятие, отражающее оценочно-волевою сторону мировоззрения, которая негативно определяет окружающий мир, состояние и место человека в нем, основывается на утверждении меры жизни отрицанием, с помощью наихудшего, т.е. утверждения меры смерти (разрушаемости жизни)[1].

Данная статья является фрагментом исследования содержания оптимизма и пессимизма и предмет ее исследования - оценочная компонента оптимизма и пессимизма. В исследовании места оценочной компоненты в содержании оптимизма и пессимизма важнейшую роль играет гипотеза о том, что все оценочные системы обладают единым «знаменателем» или основанием, которым является мера жизни и мера смерти.

Исследование содержания наилучшего и наихудшего проходило в поиске решения проблемы оценочной формализации, что проявилось в становлении «логики добра» и математических критериях оптимизма и пессимизма.

Термин «Логика добра» («логика оценок», «формальная теория ценностей», «формальная аксиология») введен гораздо позднее термина «логика» и связывается с формальным анализом ценностей в этике Канта, формальной аксиологии Э.Гуссерля и Р.Гартмана; и концептуальным исследованием ценностей Г. фон Райта, хотя в качестве предшественников можно рассматривать утверждение математической точности этики в работах Дж. Локка и Б.Спинозы, поддерживавших, в свою очередь, философскую традицию, у истоков которой стоят Сократ и Платон.

Логика оценок или формальная аксиология, как раздел логики, занимается анализом выводов, посылок или заключениями которых являются оценки. Анализ формы выводов в логике оценок позволяет отделить необоснованные выводы от обоснованных и систематизировать их. А.А.Ивин, успешно синтезировавший логику оценок в единый логический раздел, утверждает, что «логическая теория оценок должна включать логику сравнительных оценок и логику абсолютных оценок» [2]. Именно под влиянием А.А.Ивина, помимо состоявшейся логики сравнительных оценок, хотя и фрагментарной, с серьезными разногласиями по основным положениям, была поставлена проблема логики абсолютных оценок. Логика оценок, как теория форм и формальных связей оценок, изучает дихотомию «описывать-оценивать», как противопоставление и взаимозависимость теоретического (дескриптивного, индикативного, декларативного, ассерторического) и оценочного (аксиологического).

Теоретическое рассматривается как предложения, говорящие о действительности, указывающие, какой она является и какой не является, дающие ее описание. Оценочные предложения говорят о том, что человек считает ценным, что он считает плохим и что безразличным, и выражают убеждения людей о том, что есть добро и что есть зло. Оценочная логика отвергает принцип Юма о невозможности с помощью логики перейти от утверждений со связкой «есть» к утверждениям со связкой «должен», поскольку три основных употребления языка: информативное (истинное/ложное), экспрессивное (состояние говорящего) и эвокативное (влияние на слушателя оценочными мыслями, как побуждение к действию), определяют многофункциональность языковых выражений.

Оценки рассматриваются как высказывания о ценностях, которые охватывают не только положительные и отрицательные ценности, но и нулевые. Логика оценок при этом связывается не только с модальной логикой, но и с практической логикой. Последняя, вслед за Аристотелем, утверждает оценки как рассуждения, ведущие к действию. Как практическая логика, логика добра утверждает необходимость обоснованных оценок в науке, в противовес принципу Юма в науке, мнению о том, что «наука не должна содержать оценок, ибо она вправе говорить о том, что *есть*, но не о том, что *должно* быть, и не о том, чему *лучше* быть» [3].

В логике оценок определяется структура оценок. Полная оценка состоит из четырех компонентов или частей: субъекта, предмета, характера и основания.

Под субъектом (субъектами) некоторой оценки понимается лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки. Отнесение каждой оценки к субъекту, релятивизация оценки, в логике оценки – это еще не обоснование абсолютной относительности оценок, поскольку суждение субъекта может быть истинным.

Под предметами оценок понимаются объекты, которым приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются, т.е. предмет оценки – это оцениваемый предмет. Предмет оценки взаимосвязан с основаниями оценки, с теми свойствами предмета, исходя из которых один и тот же предмет может оцениваться позитивно и негативно. В предметах оценки выделяются ощущения (гедонистическое оценочное утверждение у фон Райта) и действия, мотивы, намерения, решения, чувства и даже люди в целом, совершающие акты воли или действия (предмет моральной оценки).

В характере оценок выделяются две группы: абсолютные оценки, которые формулируются в терминах «хороший», «плохой», «добро», «зло», «безразличное», и сравнительные оценки, выражаемые с помощью таких терминов, как «лучше», «хуже», «равноценно». Абсолютная оценка определяет предмет как «хороший» или «плохой» или «безразличный». Сравнительная оценка устанавливает превосходство одного предмета над другим или характеризует их равноценность. Абсолютные и сравнительные оценочные понятия образуют триплеты: хорошо – безразлично – плохо; лучше – равноценно – хуже. Оценочные понятия образуют также триплеты, составленные из двух абсолютных оценочных понятий и одного сравнительного: хорошо – лучше – плохо; прекрасно – более ценно – безобразно; большой – больше – малый; было – раньше – будет. При этом «лучше» и «хуже» являются конверсиями друг друга: сказать, что А лучше В, значит сказать, что В хуже А, и наоборот.

Четвертым компонентом оценки является ее основание, т.е. то, с точки зрения чего производится оценивание. Под основаниями оценки понимается та позиция или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами. Основания, как мотивация оценивания, могут выражать не только свойства оцениваемого объекта, но и утверждать субъективные оценки, мотивированные недоброжелательством, завистью, обидой и т.п., т.е. характеризовать позицию оценивающего.

Изучение логикой добра формальной структуры обладает большой эвристической значимостью как по отношению к дальнейшему содержательному изучению оценок, так и к изучению диалектики абсолютного и относительного. Противопоставление абсолютных и сравнительных оценок в то же время не позволяет выявить систему ценностей, определить ее относительность и абсолютность. Поиск единого знаменателя в относительных оценках, по сути, и есть определение общих безотносительных ценностей в диалектическом единстве субъективного и объективного. Без выявления общего в конкретных относительных оценках, невозможно определить те или иные оценки как абсолютные, поскольку наполнения понятий «добро», «зло», «хорошо», «плохо», возвращаются к относительности и становятся оценками сравнения.

Недостатки изучения формы без изучения содержания особенно явно прослеживаются в неразработанности понятий «наилучшее» и «наихудшее», поскольку в этих терминах трудно разграничить абсолютные и сравнительные оценки. «Наилучшее» является не просто хорошим или добром, но и его превосходной степенью, т.е. в нем отражается неразрывное единство абсолютного и сравнительного. В свою очередь «наихудшее» являет оценочное единство абсолютного и сравнительного, как плохого и зла в превосходной степени.

Иными словами, формальный анализ оценочных систем позволяет сформулировать утверждение о том, что *понятия «добро» и «зло» являются родовыми понятиями по отношению к «наилучшему» и «наихудшему», которые, в свою очередь, являются понятиями видовыми по отношению к «добр» и «злу»*. В оценке субъекта проявляется выбор большего или меньшего «добра» или «зла», а в «наилучшем» или «наихудшем» этот выбор уже состоялся по определенному критерию или по совокупности критериев, сознательно или бессознательно, но уже определено «добро» и «зло» и их большее или меньшее состояние.

Проблема абстрактного исследования "наилучшего" и "наихудшего" разрабатывалась математиками, определявшими математические методы (дескриптивные и прескриптивные) принятия решений. Среди них следует отметить, прежде всего, таких исследователей как Нейман Дж. фон Моргенштерн О. и Дж. МакКинси [4], разработавших «теорию игр», «теорию полезности» и т.д.

Основанием разработки этих теорий служит положение о том, что «лучше» подобно «больше», асимметрично и транзитивно, и что «лучше» и «хуже», подобно «больше» и «меньше», являются конверсиями друг друга.

Выявление формальных математических критериев оптимизма и пессимизма основывается на относительной устойчивости функции оптимизма и пессимизма. При этом, динамичным становятся параметры основания в расчете, а в методологии сами основания, поскольку они могут быть в математическом методе заменимы.

Исходя из этого положения, в теории принятия решений используются следующие оптимистические или пессимистические критерии.

Критерий Вальда «рассчитывай на худшее» (критерий крайнего пессимизма) называют критерием, предписывающим обеспечить значение параметра эффекта равного ?

$$\alpha = \min_i \max_j a?$$

Этот критерий ориентирует лицо, принимающее решение, на наихудшие условия и рекомендует выбрать ту стратегию, для которой выигрыш максимален. В других, более благоприятных условиях использование этого критерия приводит к потере эффективности системы или операции.

Критерий минимаксного риска Сэвиджа. При его использовании обеспечивается наименьшее значение максимальной величины риска:

$S = \min_i \max_j r?$, где риск $r?$ определяется выражением:

$$r? = \beta_j - a?, \text{ где } \beta_j \text{ – максимально возможный выигрыш игрока при состоянии природы } \Pi_j \text{ (или стратегии противника с номером } j), \text{ т.е.}$$

$$\beta_j = \max_i a? .$$

Критерий Сэвиджа, как и критерий Вальда, - это критерий крайнего пессимизма, но только пессимизм здесь проявляется в том, что минимизируется максимальная потеря в выигрыше, по сравнению с тем, чего можно было бы достичь в данных условиях.

Критерий пессимизма – оптимизма Гурвица. Этот критерий рекомендует при выборе решения в условиях неопределенности не руководствоваться ни крайним пессимизмом (всегда рассчитывай на худшее), ни оптимизмом (все будет наилучшим образом). Рекомендуются некое среднее значение. Этот критерий имеет вид:

$$H = \max_i [\min_j a? + (1 - h) \max_j a?]$$

Где h – некий коэффициент, выбираемый экспертно из интервала 0 и 1. Использование этого коэффициента вносит дополнительный субъективизм в принятие решений с использованием критерия Гурвица. [5]

Критерий Байеса-Лапласа – «ориентируйся на среднее». Этот критерий более оптимистичен, чем минимаксный критерий, однако он предполагает большую информированность и достаточно длительную реализацию.

$$j = \max_k \frac{1}{n} \sum_{k=1}^n f_{kj}$$

Критерий крайнего оптимизма – «верь в удачу».

$$j = \max_i \max_k f_{ik}$$

Известны также, *критерий максимального сожаления – «меньше сожалений в будущем»*.

$$j = \min_k \{ \max_i f_{ik} - f_{kj} \}$$

критерий математического ожидания

$$j = \max_k \sum_j P_{kj} f_{kj} . \text{ ?дeсь } P_{kj} \text{ – вероятность реализации } k\text{-го варианта ситуации [6].}$$

Разработаны и другие производные критерии в границах формальной оценочной системы.

Для разграничения оптимизма и пессимизма, подобного наибольшему и наименьшему, по заданной функции, было введено понятие оптимальное решение (наиболее лучшее, благоприятное), которое предполагало выбор по нескольким критериям. И даже была попытка ввести понятие «супероптимальные решения», которые превосходят ожидания двух противоборствующих сторон, по различным критериям объединенным в одну позицию стороны. [7]

Необходимо отметить, что усложнение понятия «оптимизм» в сторону «оптимальности» и «супероптимальности», введение этих понятий утверждает не только процесс расширения границ и оснований «наилучшего» в экономической теории, но и свидетельствует о неразработанности единой системы ценностей, с помощью которой можно утверждать относительность или абсолютность оптимизма и пессимизма, или оптимальность и предельное ухудшение. Отсутствие разработки системы ценности в

формальных исследованиях определено отсутствием первоначального выяснения содержания оптимизма и пессимизма.

Сделанное автором предположение о мере жизни и смерти, как о «едином знаменателе» оптимизма и пессимизма, также требует уточнения. Может ли жизнь быть абсолютной ценностью человека?

Этот вопрос находится в центре исследования С.Л.Франка. Он разграничил в едином понятии «жизнь»: жизнь как стихийный процесс изживания ее, пребывания на свете, и благую жизнь (жизнь как благо).

Жизнь как изживание недостаточна для абсолютной ценности. «Мы не можем жить для жизни: мы всегда – хотим ли мы этого или нет – живем для чего-то. Но в большинстве случаев это «что-то», будучи целью, к которой мы стремимся, по своему содержанию есть в свою очередь средство, и притом средство для сохранения жизни. Отсюда получается тот мучительный заколдованный круг, который острее всего дает нам чувствовать бессмысленность жизни и порождает тоску по ее осмыслению: мы живем, чтобы трудиться над чем-то, стремиться к чему-то, а трудимся, заботимся и стремимся – для того, чтобы жить. И, измученные этим кружением в беличьем колесе, мы ищем смысла жизни»[8].

Чтобы быть осмысленной, по утверждению С.Л.Франка, наша жизнь – вопреки уверениям поклонников «жизни ради жизни» и в согласии с явным требованием нашей души – должна быть служением высшему и абсолютному благу. Жизнь осмысленна, когда она, будучи служением абсолютному и высшему благу, есть вместе с тем не потеря, а утверждение и обогащение самой себя – когда она есть служение абсолютному благу, которое есть благо и для меня самого.

«Абсолютным в смысле совершенной бесспорности мы можем признать только такое благо, которое есть одновременно и самодовлеющее, превышающее все мои личные интересы благо и благо для меня. Оно должно быть одновременно благом и в объективном, и в субъективном смысле – и высшей ценностью, к которой мы стремимся ради нее самой, и ценностью, пополняющей, обогащающей меня самого» [9].

С.Л.Франк утверждает, что это благо не только должно объективно быть истинным и не только восприниматься *мною* как истинное (ибо в последнем случае не исключена возможность и сомнения в нем, и забвения его), но оно само должно быть Истиной, самим озаряющим меня светом знания. Поэтому благо, совершенная жизнь, полнота и покой удовлетворенности и свет истины есть одно и то же, и в нем и состоит «смысл жизни».

Такое разделение жизни на жизнь как существование и благую жизнь является наиболее близким автору данной работы, хотя и требующим уточнения. Поиск единого знаменателя наилучшего требует определения многозначного понятия, которое вместило бы все разнообразие наилучшего, но, в то же время, классификация разнообразия наилучшего в рамках этого понятия, сохраняла бы его целостность (целостность многозначного).

Таким понятием является жизнь. Жизнь отражает существование, телесную основу всех остальных проявлений жизни; осуществление или «благую жизнь», одушевление тела, одухотворение души и осмысление жизни; и реализацию осуществленного.

Последнее основывается на понимании динамичной взаимосвязи существования и осуществления. В свою очередь, осуществленный в человеке дух требует воплощения, т.е. реализации волей, что ведет к новому уровню существования, а, следовательно, осуществления и реализации. Телесная основа существования в течении процесса жизни то расширяется, то сжимается и разрушается, что также определяет специфику осуществления на различных этапах жизни. Этот процесс, например, в зрелом возрасте определен смещением с одушевления тела (овладения телом) к одухотворению души (овладения душевными силами), а, следовательно, к изменению смысла жизни, и новой реализации осуществленного.

Поэтому в мере жизни и смерти, как в знаменателе оптимизма (наилучшего) и пессимизма (наихудшего), можно выделить триаду взаимосвязанную и динамичную: существование – осуществление – реализация. Без существования не может быть осуществления и реализации. Без осуществления происходит реализация существования – «жизнь ради жизни», «жизнь – ради удобства и сытости», т.е. замкнутый круг абсурдной жизни. Без реализации осуществленного жизнь постепенно возвращается к замкнутому кругу, поскольку осуществление в себе не становится осуществлением для себя, осуществление не становится реальным, а носит черты фантастического или абсурдного.

Если оптимизм и пессимизм рассматриваются как процесс, то следует выделить этапы, характеризующие оптимизм и пессимизм восприятия и познания, оценивания и действия. В центре оптимизма или пессимизма находится процесс оценивания, исходя из системы ценности и метода оценивания. Если отправным пунктом оценивания является *утверждение ценностей*, то это *основная характеристика оптимизма*. Если же методом является *отрицание антиценностей* или их системы, разрушающих ценности, то это - *основная характеристика пессимизма*.

Воля обеспечивает взаимодействие этапов оптимизма и пессимизма, как процесса. Воля проявляется как мужество восприятия и познания жизни, как мужество оценивания и мужество действия. *Мужество пессимизма – это воля, отрицающая антиценности, а мужество оптимизма – это воля, утверждающая ценности*. Воля позволяет отстаивать свое «да» ценностям, и свое «нет» антиценностям, без воли оптимизм и пессимизм остаются несвершающимся и несвершившимся оцениванием.

Но уровень оптимизма и пессимизма связан не столько с уровнем воли, сколько с уровнем жизни, как основания. Оптимизм и пессимизм не могут проявляться вне жизни, поэтому следует разграничивать оптимизм и пессимизм на истинных и ложных основаниях. Как только оптимизм и пессимизм превышают

меру жизни, можно говорить об их искажении, об изменении оснований. Воля в процессуальном плане является последующей и зависимой от уровня искаженного или адекватного отражения оснований.

Жизнь человека как основание оптимизма и пессимизма, формирующая систему ценностей, проявляется в процессе существования, осуществления и реализации осуществленного. Оптимизм утверждает меру жизни в единстве трех ее составляющих или динамических компонентов. А пессимизм отрицает меру смерти этих компонентов.

Существование является базовым для человека, жизнь проявляется как средство для самой жизни. Это положение связано с тем процессом, который точно выразил Ортега-и-Гассет как заставание мира человеком и заставание человека в этом мире. Вне существования жизни не возможен никакой оптимизм и пессимизм. Существование, как базовость жизни, утверждает примат материального над духовным, роль телесного как фундамента для душевного и духовного.

Человек, наделенный родителями существованием, созревает душевно и овладевает духовностью, этот процесс может продолжаться весь период существования человека. Этот процесс одушевления телесного и одухотворение душевного, мы обозначаем как осуществление.

Реализация осуществленного схватывает активность процесса восприятия, познания, оценивания и действия, основанного на влиянии существования и осуществления посредством воли человека на жизнь человека, как взаимоотношения с окружающим миром.

Существование в жизни человека – это, прежде всего, биологические отношения человека с окружающим миром, осуществление и реализация осуществленного в жизни человека – это, прежде всего, социальные отношения человека с окружающим миром.

Неразвитость осуществления сводит жизнь человека только к биологическому существованию. Существование и осуществление человека без реализации – есть, по сути, устранение воли из отношений с миром. Они ведут к проявлению только биологического и отказу от проявления социальной сущности человеческой жизни. Возможен и процесс осуществления и реализации осуществленного ради и только для существования, в этом случае человек попадает в «замкнутый круг» в его определении С.Л.Франком, т.е. базовость существования не есть сводимость жизни только к существованию, поскольку в этом случае человеческая жизнь бессмысленна, ибо биологическое само по себе не обладает смыслом, смысл появляется только в социальном.

Выше изложенные положения позволяют сформулировать систему ценностей, лежащую в основе оптимизма и пессимизма, как единство и противоположность ценностей существования, осуществления и реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подробнее см. Лепский М.А. Три этапа развития понятий оптимизма и пессимизма //Новая парадигма. – Запорожжя, 2000. - № 14. – С.24-32.
2. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Московский университет, 1970. – С.5.
3. Там же, с.3-20.
4. Нейман Дж. фон Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. – М.: наука, 1970. – 601с.
Мак Кинси Дж. Введение в теорию игр. – М.: Мир, 1960. – 349с.
5. Глущенко В.В., Глущенко И.И. Разработка управленческого решения. Прогнозирование – планирование. Теория проектирования экспериментов. – г. Железнодорожный, Моск. обл.: ТОО НПЦ «Крылья», 1997. – С.81-87.
6. Юкаева В.С. Управленческое решение. – М.: Издательский дом «Дашков и К?», 1999. – С.200-201.
7. Нагель С. С., Миллс М.К. Методы поиска супероптимальных решений //Эффективность государственного управления. Пер. с англ./ Под ред. С.А. Батчикова и С.Ю. Глазьева. – М.: фонд «За экономическую грамотность», Российский экономический журнал, издательство АО «Консалтбанкир», 1998. – С.372 –376.
8. Франк С.Л. Смысл жизни //Педагогическое наследие русского зарубежья. 20-е годы. – М., 1993. – С.13-14.
9. Там же, с.14-15.

ПОДМАЗИН С.И.

ИНТЕГРАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Проблема человека всегда занимала центральное место в философии. Сократовское «Познай себя (человек)» было многократно повторено философами всех времен. Так, И.Кант полагал, что цель философии сводится к поиску ответа на вопрос: «Что такое человек?» (11.С.11). Довольно давно стало понятно, что ответ на данный вопрос невозможен без определения того, что представляет собой человек как единичный, уникальный микрокосм - конкретный человек, человек как личность. Как ни парадоксально это звучит, но последовательное соблюдение методологии гуманизма, основным принципом которой является возведение человека в высшую цель и ценность всего, обязательно приводит нас к выводу, что человек прежде личность,